

«Я читаю новозаветные послания, которые были написаны в темнице. Какая в них радость и сила!... Мы боремся, страдаем и молимся за Церковь и ради служения Ей — против немецкого общественного мнения. Какое странное общение дано нам в Слове Божием и в молитве!... Люблю то, что сказал Лютер: «Слово Божие и молитва христиан поддерживают мир»... Чего я только прошу у вас, это чтобы вы широко открыли ваши сердца, ибо наше горе — горе всей Церкви».

«Я живу со среды в совершенно новом и непохожем мире, — в мире, в котором к тому же скрыто нечто очень интересное, и даже прекрасное и возвышающее. Хорошо для нашего ветхого Адама оценить еще раз сухой хлеб, быть лишенным возможности курить, и слышать обращение на «ты» от уголовных арестантов».

«Вчера я думал, что меня освободят. Я уже видел все в розовом свете. Но да будет воля Божия... Я встаю каждое утро с благодарной радостью, и с такой же радостью ложусь спать. И всегда она на заднем плане — великая, настоящая радость — мысль о том, что когда-нибудь я тебя увижу! О, сердце, не волнуйся! Обратись к Богу».

«Есть одна вещь, в которой я уверился за последние недели: в том, что дело идет не о нашем деле, но о деле Господа нашего Иисуса Христа... Я только теперь отдал себе отчет в значении того места Деяний 24-27, где написано, как о чем-то совершенно естественном, по поводу ареста Павла в Кесарии: «Через два года»... Как будто два года не имеют значения! Ну, значит, так и есть, два года не будут иметь значения. Но крайней мере, слово свободно; никакие засовы его не остановят, — никто не может остановить его».

Этих цитат достаточно. Мы не прибавим к ним никакого личного комментария. Единственный комментарий, который здесь был бы уместен, это слова из Нового Завета. Например, те слова Деяний, где рассказывается о заключении ап. Павла: «Около полуночи Павел и Сила, молясь, воспевали Бога; и заключенные их слушали». И еще другие слова самого Христа: «Я был в темнице»... Слова, на которые отвечает «посланиник в оковах», тот же Павел, когда он пишет: «Но слово Божие не оковано».

Иеромонах Лев (Жилле).

ФРАНЦУЗСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ПОСЛЕ МЮНХЕНА

Говоря об идеологических течениях, наблюдаемых среди представителей передовой интеллигенции Франции, нам не раз приходилось отмечать их положительные и отрицательные черты: с одной стороны, чрезвычайную духовную устремленность и социальную динамику этих течений, с другой стороны — некоторую схематичность, отвлеченность, оторванность от реальной жизни.

Казалось, социально-политическая и социально-религиозная мысль Франции, с такой чуткостью и порывом отзывавшаяся на все основные проблемы, связанные с судьбами человека в послевоенном мире, еще во многих случаях не являлась окончательно созревшей. Недаром, касаясь созданного им движения, Эммануэль Мунье, редактор «Esprit», как-то писал, подводя первые итоги деятельности своей группы, что ей еще предстоит пройти через весь «хаос искусства», что идейная закалка еще далеко не готова, «сплав еще не найден». 1).

Можно даже сказать, что лучшие молодые силы Франции весьма остро ощущали эту незавершенность. Они томилась чувством, что все их социальные и идеологические системы: «персонализм», «коммунитаризм», «фронтизм» и разного рода «технократии» и «планизмы», — все эти конструкции воздвигались в порядке заманчивых, но отчасти искусственных стилизаций, развивались в каком-то безвоздушном пространстве.

Новому послевоенному, социальному, политическому и духовному сознанию Франции предстояло еще пройти через искус, через горнило реальных кризисов и событий: этим горнилом оказался Мюнхен.

*
**

Можно сказать, что Сентябрь 1938 и особенно последние дни кризиса, когда надвигающаяся война уже бросала свою зловещую тень на Европу и ее народы, послужили эпилогом отвлеченной жизни культурного французского мира. Интеллигенция отложила в сторону книги, перо, бумагу, вышла на улицу, смешалась с людьми других классов и устремлений, попала в порядке мобилизации на границу, в казематы линии Мажино, в военные поезда, парки, аэродромы и казармы. Исполняя свой долг с величайшей серьезностью и достоинством, без боевых кликов, но и без сожалений, юная интеллигенция вступила в жизнь, и тем самым — и без войны — получила боевое крещение.

*
**

Не легко далось это боевое крещение даже тем, которые его давно ожидали и призывали. Первые недели после Мюнхена отмечены глубочайшими столкновениями и раздвоениями не только политических и социальных, но и идеологических течений. Писатели и моралисты, философы и поэты, литературные критики, драматурги, выражались в самых страстных формах за Мюнхен или против Мюнхена, во имя мира или во имя так называемого «беллицизма».

Всякий, кому приходилось в это время бывать во французских писательских и публицистических кругах, был глубоко поражен этой

1) См. наши статьи в «Новом Граде», №№ 11, 12, 13.

раздвоенностью, или, точнее выражаясь, расщепленностью чувств и мыслей; и, действительно, тут можно писать, скорее, о расщепленности, ибо водораздел не проходил между теми или иными партиями, — правыми и левыми, национальными и интернациональными, — а пересекал все решительно партии и течения.

Оставляя в стороне крайне правые и крайне левые течения, дедмагогические методы которых не представляют особенного интереса, попытаемся подвести итоги многообразным и противоречивым мнениям, высказанным на страницах французской идеологической печати за истекшие после Мюнхена первые месяцы.

*
**

Начнем с социально-политической группы «Esprit», ратующей за духовную революцию.

Известный читателям «Нового Града» ежемесячник первый отозвался на чехословацкий кризис, выпустив в Октябре 1938 года ударный номер, всецело посвященный только-что развернувшимся событиям. Несмотря на трудность задачи, Эммануэль Мунье, редактор журнала, наметил в передовице от 22 сентября свои основные принципы относительно этих событий.

Заглавие статьи, «После измены», вполне ясно характеризует точку зрения автора, и недаром он приводит в эпиграфе евангельские слова: «Ирод... одел Его в светлую одежду и отослал обратно к Пилату. И сделались в тот день Пилат и Ирод друзьями». (Лук., XIII, 11-12). Берхтесгаден уже не внушал сомнений в дальнейшем ходе переговоров; Франция взбудоражена надвигающейся мобилизацией, но для Мунье неизбежное уже случилось, свершилось непоправимое, и время настало, — все равно, придется или нет физически воевать, — духовно приступить к переоценке ценностей.

Франции, — пишет Мунье, — суждено пережить час тяжкого унижения; но эта кара не обрушилась на нее за грехи сегодняшнего дня, она платит за старые ошибки, за моральное, социальное и политическое оскудение многих лет. «Esprit» не раз подчеркивал за последние годы нецелесообразность европейской системы, основанной на версальском мире, и опасности, которыми был чреват этот мир. С другой стороны, журнал и создавшееся вокруг него движение были с первых же дней направлены против неправды буржуазного порядка, — или, вернее, «беспорядка», — в котором были преданы все подлинные ценности человеческого достоинства и свободы. Ныне же ни стандартный антифашизм, ни шаблонная защита демократии не помогут избежать катастрофы. Даже если отсрочка будет дана, необходимо искать первым делом очищения. Это очищение несут с собою сами события: «огонь фашизма пожирает прогнившее здание», которого уже нельзя спасти пустыми словами и лозунгами. «Будем

иметь мужество, — пишет в заключение автор, — вынести относительно прошлого абсолютно свободное суждение, пересмотреть все ценности, все реальности, которые мы противопоставляли фашистскому урагану: говорить не о демократии, которую нужно защищать, а о демократии, которую нужно заново изобрести (*inventer*), не о свободе, которую нужно спасать, а о свободе, которую нужно вооружить, — не о консервации, а о революции».

В ноябрьском номере, автор возвращается к этой основной теме: не хранение старых, отжитых, чисто формальных ценностей, потерявших всякое содержание, — ибо мюнхенское унижение не может быть очищением, поскольку оно является лишь «замораживанием». А, наоборот, — принятие катастрофы, как начала новой эры духовного перевооружения и политической трезвости.

Франции, в частности, надлежит приобрести эту волю к трезвости. Если 30 сентября перестала существовать Европа, жившая под знаком французской гегемонии, — то это просто означает, что рухнула искусственная, «двухлетняя» дипломатия послеверсальской эпохи... Борьба против новой фашистско-германской гегемонии окажется плодотворной лишь в том случае, если защитники демократии откажутся вообще от всякой гегемонии, во имя справедливой европейской федерации.

Остается вопрос о «пацифизме» и «беллицизме». Мунье отвечает на этот вопрос, что нельзя закрывать глаза на физические ужасы войны и, тем более, на духовную катастрофу, которую всякая современная война неизбежно влечет за собой. «Подозрительного качества милитаризм», навязанный коммунистами рабочему классу, является величайшим соблазном. И все же «духовно сильная страна готова вынести войну, скорее, чем подвергнуться моральному рабству, так же, как духовно сильный человек предпочтет смерть унижению. Однако, это не мешает первой все сделать, дабы избежать войны, так же, как второй должен сопротивляться в час испытания соблазну смерти».

**

Не все товарищи Мунье, однако, разделили изложенные им в двух осенних номерах позиции. Сам автор вышеуказанных статей не скрывал в них, что одни из его сотрудников стояли за мир во что бы то ни стало, не видя в нем ни унижения, ни ослабления Франции, а, наоборот, спасение; тогда как другие призывали к сопротивлению во что бы то ни стало, считая его единственным способом приостановить назревание мировой катастрофы. Эти два полюса, вокруг которых сгруппировались персоналисты, особенно ярко выражены двумя сотрудниками «*Esprit*», Лабрусомъ и Лакруа. Первый, который отражает настроения Поль-Форовских течений в социалистической партии (к которой принадлежит), убежден, что лишь

при помощи сговора с внешним противником можно продолжать дело внутренней социальной реконструкции. Он защищает свои позиции, утверждая, что они выражают настроения миролюбивого крестьянства, с которым он тесно соприкасался в дни мобилизации, и в инстинктивном отвращении к войне, которого он глубоко убежден. У Лабруса мы находим своеобразное пацифистское народничество, которым ныне проникнуты некоторые представители французской левой интеллигенции. Эти мотивы мы и находим, например, у известного писателя Жапа Жиано, выпустившего брошюру «*Précisions*», весьма сходную по настроениям идеологии Лабруса.

Лакруа, наоборот, выступает во имя твердого сопротивления фашистским диктаторам. Он ратует за возрождение здорового национального чувства, за новое понимание и углубление французского национального гения. Будучи католиком и восставая против «руссоистских» и атеистических устремлений французской революции, он, тем не менее, ищет в этих исторических событиях источник некоей традиции свободы и раскрепощения человеческой личности, которая может, и должна, служить основой для обновленного французского патриотизма и французского свободолюбия. Лакруа расходился с Мунье в том, что не считает «консервацию» демократического *status quo* бесплодным и праздным делом. Он верит, что эти ценности до сих пор еще достаточно реальны и живы, чтобы можно было на них опираться во имя защиты свободы. Французский демократический дух до сих пор еще насыщен патриотической динамикой 1790-х годов.

Сравнивая противоречивые позиции Лабруса и Лакруа, невольно вспоминается фраза, произнесенная после Мюнхена в нашем присутствии одним молодым французским социалистом:

— Наша страна ныне разделяется на два лагеря: на лагерь «садовников» и на лагерь «граждан». «Садовники» мечтают о мире, дабы, как некогда Кандид, разводить свои цветы и стричь свои деревья. «Граждане» (*citoyens*) воскрешают традицию якобинцев и бьют тревогу, провозглашая старый лозунг: «родина в опасности»...

Несмотря на столь глубокие расхождения относительно толкования мюнхенского соглашения, группа «*Esprit*» сумела сохранить свою целостность и пытается, преодолевая ряд не малых трудностей, сохранить общую платформу и товарищескую сплоченность.

*
**

Зато глубокий раскол был вызван Мюнхеном в рядах «фронтизма», — юного оппозиционного крыла социалистов, возглавляемого Гастоном Бержери, и органом которого является «*Flèche*». Бержери, как известно, проявил себя «стопроцентным мюнхенцем», оправдывая сентябрьское соглашение, как неизбежное последствие «версальских ошибок», с одной стороны, с другой, — подчинения рабочих и

ответственных политических деятелей приказам, исходящим из Москвы. Ряд деятельных сотрудников «Fleche», депутат Жорж Изар, Андре Делеаж, Жорж Дюво, Жюль Роман, Л. Е. Галэ, поставили Бержери в вину отсутствие конструктивной сопротивленческой программы, и вышли из состава редакции. Покинув ряды фронтизма, отколовшаяся группа недавно выпустила книжку под заглавием: «Bataille de la France»,²⁾ в которой она пытается установить эту конструктивную программу:

а) создание твердой демократической власти; б) защита французской империи; в) интенсивное вооружение; г) обновление экономической системы и ее укрепление вне капитализма, вне гегемонии трестов, но также вне коллективизма и гос-капитализма; д) экономический контроль вплоть до автаркии; е) решительное сопротивление гитлеровской и муссолиниевской стихийной экспансии. Авторы подчеркивают необходимость признания за Германией и Италией «сфер влияния»: III рейху предоставлена была бы, в таком случае, Восточная Европа, Италии — восточное Средиземное море; между тем, как Франция сохранила бы контроль над западным бассейном Средиземного моря.

Наконец, относительно франко-советского пакта, отколовшаяся группа «фронтистов» не закрывает глаза на факт, что франко-русские отношения потерпели тяжкий удар в связи с недавними (мюнхенскими) переговорами. С исчезновением чешского «грамплина», помощь, которую мог бы принести СССР в случае конфликта, является все более и более призрачной. Кроме того, авторы считают еще с одной возможностью: ось Берлин — Рим и ось Париж — Лондон могут продолжать вести переговоры, но СССР едва ли примет в них участие, как не принял в сентябре. Остается гипотеза международной конференции, сторонниками которой являются авторы, но особенно веря, однако, в ее осуществление.

Как бы то ни было, группа Изара не отказывается от пакта, а лишь усматривает необходимость некоторой компенсации: с одной стороны, соглашение с СССР, с другой стороны — сговор между четырьмя великими державами.

Добавим, что эта часть изаровского плана представляется нам несколько туманной. В общих чертах, можно сказать, что французская политическая мысль еще не справилась со сложными проблемами франко-советского пакта и гитлеровской экспансии в Восточной Европе; о последней французские публицисты имеют еще не полное представление и, быть может, представляют ее себе в слишком розовых тонах. Эти вопросы, однако, именно в виду их неофор-

²⁾ «La Bataille de la France», par Georges Isard, André Deleage, Georges Duveau, Jules Roman, L. E. Galey. Ed. P. Tishé. 1938.

мленности, выходят из рамок настоящей статьи и потребовали бы специального исследования. (Отметим только, что украинский вопрос до сих пор остался почти не освещенным, за исключением некоторых статей, появившихся недавно в «Esprit»).

Подробного исследования потребовало бы также отношение вышеназванных публицистов-идеологов к вопросу о самом разделе Чехословакии. И тут оценка событий не завершена и нуждается в более четких перспективах. Но сейчас уже можно утверждать, что все — и «беллицисты» и «пацифисты», «граждане» и «садовники», — рассматривают этот раздел, как предательство, как «сговор Ирода с Пилатом». Однако, большинство высказывает мысль, что сдача позиций началась давно, с занятия Рура, и вполне определилась уже в дни аншлуса.

*
**

Переходя от общественно-религиозно или общественно-политически настроенной молодежи к более широкому кругу французской интеллигенции, интересно раскрыть ноябрьский номер «Nouvelle Revue Française», сгруппировавший ряд выдающихся деятелей и публицистов. Правда, не все они принадлежат к «молодняку»; многие из этих писателей уже не раз проходили через «хаос искусства» и в дни великой войны, и в первые послевоенные годы. Но и они оторвались от действительности, уйдя в чистую литературу или увлекшись холодным, бесстрастным разбором современных доктрин и идеологий.

И для них «Мюнхен» явился несколько неожиданным пробуждением; каждый из них пережил по своему сентябрьскую драму и попытался по своему ее продумать и изложить.

И тут первым делом в глаза бросается разнобой: различный критик и мыслитель Жюльен Бенда проявляет себя бурным «беллицистом»; он видит в Мюнхене позорную капитуляцию, вызванную страхом буржуазных демократий перед мировой коммунистической революцией, которая грозила бы всем странам в случае войны. Бенда предсказывает дальнейшую сдачу позиций и постепенное подчинение демократии фашистским или пара-фашистским влияниям.

Арман Петижан, один из самых юных сотрудников «Nouvelle Revue Française» печатает поэму в прозе: «Prière pour les Copains» («Молитва за товарищей»), в которой призывает Францию к духовному обновлению. «В небе тучи уже наливаются кровью», но возможно еще остановить приближающийся кровавый потоп. Для этого необходимо отстранить от власти «несколько сот тысяч банкиров, парламентариев, помещиков, журналистов и разного рода сообщников, которые выступают якобы во имя французского народа... Они говорят об объединении, а сами двулики; о работе, а сами бездельни-

чают; они призывают к молодости, а сами несут на своих плечах всю ветхость мира...». И автор умоляет Бога дать Франции новых вождей, новых воспитателей, и «особенно, о, Господи! (восклицает он), новых писателей!...».

Далее, в глубокой, серьезной и проникновенной статье, известный писатель Жан Шлемберже восстает против чувства унижения, навязанного Мюнхеном; не потому, что он не признает нанесенного демократиям ущерба, а потому, что считает необходимым реагировать против нездорового комплекса приниженности, им вызванного. Так же, как большинство нами цитированных авторов, Шлемберже считает, что позор начался не с Мюнхена, что корни его в «версальских ошибках», потому что, — пишет он, — «Версаль поручил нам роль, которая была не по силам нашему жизненному потенциалу. Мы желали принять эту роль, но отказывались от связанного с ней напряжения...». И то, что случилось, это удар по французскому тщеславию, которое «не заслуживает ни единой слезы».

Автор противопоставляет этому политическому «чванству», потерпевшему заслуженное поражение, подлинную душу Франции, то-есть душу ее народа, достоинство и выдержанность последнего в дни мобилизации, его готовность идти на жертву без сожаления и без оглядок.

Мобилизация в сентябре продлилась пять дней, и «этого было достаточно, чтобы внушить уверенность..., что Франция действительно двинулась, и что это был ее подлинный шаг, ни слишком медлительный, ни слишком поспешный; шаг людей, которые готовятся к длинному переходу»...

В этом «шаге» французского народа Шлемберже видит залог необходимого возрождения Франции, ее духовного выздоровления; дело не в кичливых претензиях быть «первой державой в Европе», а в желании работать на укрепление мира. Но эта работа, это новое равновесие, благодаря которому можно будет избежать войны, не обойдутся, не могут обойтись, даром. Автор напоминает, что «мир» будет стоить столько же усилий, денег и времени, сколько и война, а это значит — очень много усилий, денег и времени...».

*
**

Укажем в заключение на две недавно вышедшие книги: «*Equinoxe de Septembre*», известного романиста Анри де Монтерлана, и «*Cela dépend de nous*», не менее известного писателя и драматурга Жюль Ромэна.

Анри де Монтерлан уже не раз выступал в связи с сентябрьскими событиями. Его записи о недавней мобилизации, в которой он лично принимал участие (Монтерлан участвовал и в великой войне, где был тяжело ранен), появились в парижских еженедельниках, а также в цитированном выше ноябрьском номере «*Nouvelle Revue*

Française». Несколько времени спустя автор прочел нашумевший доклад о сентябрьских итогах и настроениях. В выпущенной в Декабре книге ³⁾ он собрал и развил этот разнообразный материал под видом общих рассуждений о судьбах Франции накануне, во время и после Мюнхена.

Книга Монтерлана блестяще написана; нужно признаться, однако, что она неприятно поражает читателя своей резкостью, агрессивностью в критике Франции. Автор утверждает, что критикует так страстно только то, что подлинно любишь, и в этих «печоринских мотивах», в этой «сладостной ненависти к отчизне», можно найти оправдание монтерлановскому патиску. Трудно, однако, согласиться с ним, когда он пишет, что «французская мораль — это мораль мидинеток», что Франция страна «без зубов», где все сделалось пошлым, слабым, расхлябанным и, в лучшем случае, — призрачным и бесплотным.

Монтерлан не слышит «державного шага» народа, который некогда слышал в России Блок, и к которому во Франции прислушивается Шлембержэ. Не слышит он и духовных, религиозных мотивов, столь ярко выраженных современной французской интеллигенцией, и о которых нам так часто приходилось писать.

Но многое у Монтерлана верно и хлестко выражено. Даже его чрезмерное преклонение перед голой силой, с которым нам нельзя согласиться, не исключает правильности и глубины многих оценок и суждений. События последних лет и, особенно, недавно развернувшийся кризис он считает явлениями благими, поскольку они заставляют людей жить «на-чеку», постоянно подтягиваться и морально перевооружаться.

Тоталитарные колдуны, большие и маленькие, — пишет он, — мешают нациям, предпочитающим счастье, сделаться нациями невменяемыми: есть минимум мужества, ниже которого нельзя будет опуститься. Германия приставлена к Франции, как Ксантиппа к Сократу: чтобы дать ей возможность преодолеть себя...

Тоталитарные колдуны дают друзьям свободы возможность глубже ею наслаждаться, а друзьям некоторой формы культуры дают возможность объединиться, «чтобы ее защищать». Диктаторы поддерживают чувство «непрочности жизни», ее «относительности», ее опасного и хрупкого характера. Все это не только укрепляет мужество, но развивает и мудрость, а, главное, «учит покидать» старые позиции. «Каждая тревога является случаем, выражаясь на военном языке, и прибрать войска к рукам...». «Мы должны быть всегда готовы потерять наше имущество, наши возможности, наших близких и дорогих людей, связанных с нашей плотью, самую нашу жизнь...».

³⁾ Henry de Montherlant. «Equinoxe de Septembre». Edit. Grasset. Décembre 1938.

Слова поистине прекрасные, полные глубокого, подлинного пафоса. Однако, нам не совсем ясно, каким образом Монтерлан найдет возможность обосновать эту героическую жертвенность, поскольку он является противником братской любви (автор все более подчеркивает в своих писаниях антихристианские мотивы). 4). Монтерлан не чужд некоторому ничтоществу, которое едва ли созвучно французской культуре и французской духовности. Если он прав, призывая свою родину возродиться и очиститься после пережитой бури, то едва ли она пойдет указанными им «теллурическими» путями, которые, скорее, являются путями Центральной Европы.

*
**

Книга Жюль Ромэна прямо противоположна сентябрьскому сборнику Монтерлана. Правда, «Cela dépend de nous» 5) («Это зависит от нас») также является призывом к обновлению, к возрождению Франции. Можно добавить, что на этом пункте национального оздоровления все решительно согласны. Но по всем другим пунктам Ромэн диаметрально расходится со сторонниками вооруженного сопротивления; он убежденный защитник мира, и приветствует Мюнхен, поскольку Мюнхену удалось отложить войну, ибо, — пишет он, — «отложенная война, это — война, которая, может быть, никогда не вспыхнет».

Убежденный демократ и гуманист, автор замечательной брошюры «За дух и Свободу» 6), содержащей выступления автора на собрании Пэн-Клуба в 1937 году, Жюль Ромэн один из самых решительных и вздумчивых критиков тоталитарных доктрин, красных и белых фашизмов и вообще всех современных политических систем, основанных на насилии над телом и духом человека. Вот почему его ни коим образом нельзя заподозрить в каком-либо «соглашательстве» с диктаторами. Ромэн обосновывает свою защиту Мюнхена на инстинктивной тяге народа, или, вернее, народов, к миру; в этой тяге он глубоко убежден: «Ни в одной стране, — пишет он, — правители не встретили в населении ни малейшего воинственного возбуждения, не нашли того специфического воздуха, которым так опасно дышать, и который в прошлом породил катастрофы... Времена «веселой и здоровой войны» еще далеко не вер-

4) Мы уважаем всякое мнение, поскольку оно является искренним убеждением. Мы можем только сожалеть о выпадах Монтерлана против речи Папы за мир, которую и неверующие приняли, как высшее проявление христианского духа любви.

5) Jules Romain. «Cela dépend de nous». Ed. Flammarion, 1939.

6) «Pour l'Esprit et la Liberté», Ed. N. R. F.

нулись. В 1938 была возможна лишь война безропотная и без иллюзий...».

*
**

Таковы главные течения французской мысли после Мюнхена, но мы отметили лишь ее самые характерные черты, ибо невозможно в журнальной статье изложить хотя бы часть этого чрезвычайно богатого и, как видно, разнообразного материала.

Добавим в заключение, что мы пытались подвести итоги этой мысли, сознательно воздерживаясь от выводов. Не нам судить о судьбе Франции и о путях, которые она должна избрать. Ибо каждый народ имеет свой гений, и иностранец всегда рискует жестоко ошибиться, так или иначе его оценивая. Но ясно одно: что Франция пробудилась, что она жаждет возрождения и укрепления своих сил; за истекшие после Мюнхена, и особенно после второго раздела Чехословакии месяцы, она проделала огромную работу, технически и морально перевооружилась. В тоже время, она осталась верной своей демократической традиции, духовным богатствам своей культуры, свободолюбию и гуманности своего народа.

Елена Извольская.

ПУТИ ИЗРАИЛЯ

Еврейская проблема становится в наши дни самым грозным и жутким вопросом современного сознания. Поднимающиеся волны антисемитизма страшны и опасны вовсе не только для евреев. Они являются грозным испытанием всего современного сознания. Однако, нужно сказать, что это способствует тому, что сама проблема разворачивается с необыкновенной силой и глубиной, она перемещается на какую-то новую плоскость, получает новую постановку и новое освещение. Сам этот антисемитизм становится глубоко симптоматическим явлением. Под поверхностью разыгравшихся стихий неведомо совершается нечто гораздо более существенное, значительное и решающее чем весь этот шум поднятый вокруг «еврейского вопроса». И прежде всего становится очевидным, что антисемитизму недостаточно противопоставить нравственную и правовую идею, что надлежит искать ответ на всю трагедию Израиля в его таинственной связи с судьбами мировой истории.

Существует несколько типов отношения к еврейской проблеме. Для социолога, экономиста, для историка права или культуры еврейство остается социальной, или экономической или юридической категорией... Современный расистский натурализм превращает весь вопрос в